

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

УДК 316.7

DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-1

Исследовательская статья

Кублицкая Е. А.
Лютенко И. В.

**Социокультурные и семейные ценности россиян
с нетрадиционными религиозными взглядами
(на примере Москвы и Белгородской области)**

Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН)
улица Фотиевой, дом 6, корпус 1, Москва, 119333, Россия
eakubl@yandex.ru
blodrein@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются результаты исследований, проведенных в Москве и Белгородской области в 2024 году отделом этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН. В условиях непрерывного изменения религиозного ландшафта, становится все более актуальным изучение системы ценностей, которые определяют поведение групп населения с нетрадиционными религиозными взглядами. Проведен социологический анализ семейных и социокультурных ориентаций населения Москвы и Белгородской области с нетрадиционными религиозными взглядами. Методолого-методический подход социологического поиска строился путем формирования двух типологических групп с нетрадиционными религиозными представлениями: «практикующие» и «непрактикующие». Группы отбирались по показателям нетрадиционного религиозного сознания, мотивации интереса и культового поведения (участия в соответствующих социальных практиках). Выявлено, что население столичного мегаполиса проявляет больший интерес к нетрадиционным религиозным учениям, их духовным и физическим практикам, а также мистическим течениям по сравнению с населением Белгородского региона. Вполне закономерно, что мотивация увлечения этими религиями и учениями более серьезная и глубокая в группах «практикующие». Социологические данные опросов населения в российских регионах показали, что в группах «практикующие» больше незамужних и бездетных респондентов, а в группах «непрактикующие» больше многодетных семей. Вполне закономерно, что для этих групп большее значение имеют ценности «семья и воспитание детей», чем просто ценность «любовь». А в группах «практикующие» наоборот имеет большую значимость ценность «любовь», чем ценности семьи и детства. Отношение типологических групп к традиционным социокультурным и семейным ценностям частично определялось при помощи квалификационной шкалы ценностей Шварца Ш. и рейтинговой шкалы «идей и

ценностей национального согласия», используемых социологами и демографами более 20 лет¹. Традиционные ценности и идеи, активно транслируемые художественной литературой 18-19 веков и всей российской культурой и продолжающие жить в «исторической памяти» советского народа, а также в современный исторический период, являются национальным достоянием нашего общества и государства. Результаты социологических исследований в указанных субъектах РФ доказывают, что «практикующим» респондентам присуща более активная жизненная позиция и самостоятельность по сравнению с «непрактикующими»: им в большей степени близки ценности: «активная и деятельная жизнь», «саморазвитие», «свобода». Типологическая группа «непрактикующие» в своем большинстве «общественники»: для них больше значимы традиционные семейные ценности, идеи коллективизма, законности, патриотизма.

Ключевые слова: социокультурные ценности; семейные ценности; квалификационная шкала ценностей; типологические группы; нетрадиционные религии; мистические и оккультные науки

Информация для цитирования: Кублицкая Е. А., Лютенко И. В. Социокультурные и семейные ценности россиян с нетрадиционными религиозными взглядами (на примере Москвы и Белгородской области) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 5-30. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-1

Reserch article

Elena A. Kublitskaya
Irina V. Lyutenko

Sociocultural and family values of Russians with non-traditional religious views (on the example of Moscow and Belgorod region)

Institute of Demographic Research, Federal Research Sociological Center,
Russian Academy of Sciences (IDI FNSC RAS),
6/1 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
eakubl@yandex.ru
blodrein@mail.ru

Abstract. The article analyzes the results of research conducted in Moscow and the Belgorod Region in 2024 by the Department of Ethnodemographic, Religious and Integration Processes of the Institute of National Research and Scientific Research of the Russian Academy of Sciences. In the context of the continuous change of the religious landscape, it is becoming increasingly important to study the value system that determines the behavior of population groups with non-traditional religious views. A sociological analysis of the family and socio-cultural orientations of the population of Moscow and the Belgorod region with non-traditional religious views was carried out. The methodological approach of the sociological search was based on the formation of two typological groups with non-traditional religious beliefs: “practitioners” and “non-practitioners”. The groups were selected based on indicators of non-traditional religious consciousness, motivation of interest and cult behavior (participation in relevant social practices). It was revealed that the population of the

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

metropolitan metropolis shows more interest in non-traditional religious teachings, their spiritual and physical practices, as well as mystical currents compared to the population of the “Belgorod region”. It is quite natural that the motivation for fascination with these religions and teachings is more serious and deep in the “practitioners” groups. Sociological data from population surveys in Russian regions showed that there are more unmarried and childless respondents in the “practicing” groups, and more large families in the “non-practicing” groups. It is quite natural that for these groups, the values of “family and parenting” are more important than just the value of “love”. And in the “practitioners” groups, on the contrary, the value of “love” is more important than the values of family and childhood. The relation of typological groups to traditional socio-cultural and family values was partially determined using the Schwarz S. qualification scale of values and the rating scale of “ideas and values of national accord” used by sociologists and demographers for more than 20 years. Traditional values and ideas, actively transmitted by the fiction of the 18th and 19th centuries and the entire Russian culture and continuing to live in the “historical memory” of the Soviet people, as well as in the modern historical period, are the national heritage of our society and the state. The results of sociological research in these subjects of the Russian Federation demonstrate that respondents who engage in the activities in question exhibit a more active and independent lifestyle compared to those who do not. They also demonstrate a closer alignment with the values associated with these activities. The respondents who were actively engaged in these activities reported a higher level of life satisfaction, self-development, and freedom. The typological group of “non-practitioners” is mostly “social activists”: traditional family values, ideas of collectivism, legality, and patriotism are more important to them.

Keywords: sociocultural values; family values; qualification scale of values; typological groups; non-traditional religions; mystical and occult sciences

Information for citation: Kublitskaya, E. A., Lyutenko, I. V. (2024), “Sociocultural and family values of Russians with non-traditional religious views (on the example of Moscow and Belgorod region)”, *Research Result. Sociology and Management*, 10 (4), 5-30 . DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-1

Введение (Introduction). В условиях непрерывного изменения религиозного ландшафта, становится все более актуальным изучение системы ценностей, которые определяют поведение групп населения с религиозными взглядами, как традиционными, так и нетрадиционными. Общеизвестно, что в процессе социализации у индивида формируется ценностное пространство. Ценность воплощает значимость тех или иных объектов и явлений для человека, поэтому жизненные цели индивида формируются под влиянием ценностного стержня (Ласточкина, 2015).

Социокультурные ценности определяются жизненными смыслами,

которыми человек руководствуется в своей жизнедеятельности, демонстрируя социальную модель поведения. Ценностные ориентации формируются, существуют и транслируются под воздействием культуры в процессе жизнедеятельности человека, передаваясь от поколения к поколению (Иванова, 2014). Основными институтами воспроизводства традиционных ценностей выступают институты религии и семьи (Bronner, 2000).

Национальные ценности и традиции, выступавшие многовековыми скрепами народов России, под действием всевозможных внутренних и внешних факторов: политических катаклизмов, националистических войн,

прозелитической и миссионерской деятельности разнообразных религиозных течений, веяний западной массовой культуры теряют сакральный смысл. На федеральном и региональном правительственном уровне уже много лет ведется активное обсуждение концепции традиционных ценностей. Президент Российской Федерации В.В. Путин в послании Федеральному Собранию Российской Федерации уже в 2012 году сделал акцент на утрате традиционных ценностей: «...российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп... того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились»^{2,3}.

В указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁴ уточняется, что сохранение традиционных ценностей – это часть стратегического планирования и национальной безопасности, перечисляются основные традиционные ценности: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и

взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Отметим, что ценность «крепкой семьи» находится в числе первых десяти из указанных ценностей. Более того, для решения демографических проблем, в частности, повышения рождаемости, защиты и сохранения традиционных семейных ценностей и поддержки института семьи 2024 год был объявлен «Годом семьи»⁵.

Изучение духовно-нравственных и социокультурных ценностей представителей различных религий, как традиционных, так и нетрадиционных, несомненно, является актуальным.

Формирование у населения толерантности к представителям других этносов и различных религиозных течений возможно, только через уважение и понимание многообразия национальных и религиозных традиций и обычаев, что способствует налаживанию межкультурного и межрелигиозного взаимодействия и предотвращению этноконфессиональных и религиозных конфликтов.

Однако, исследований социокультурных и семейных ценностных ориентаций населения с нетрадиционными религиозными взглядами явно недостаточно (Яковлева, 2015). Изучение проблемного поля в подвешенном состоянии, так как до сих пор ведутся жаркие дискуссии о феномене

² Путин В. Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп. Из послания Президента Федеральному Собранию // ПРАВОСЛАВ-ВИЕ.РУ: сайт. 2012 г. URL: <https://www.pravoslavie.ru/58087.html> (дата обращения: 03.11.2024).

³ Александр Дугин рассказал о традиционных ценностях в России // Газета.ру, 2023 г. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/09/20/21327355.shtml> (дата обращения: 03.11.2024).

⁴ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // консультантПлюс, 2022 г. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/c595db4951fa2b3967c0a1bcc5e5bbf7332e9c38/#dst100012 (дата обращения: 05.11.2024).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи». Государственная система правовой информации. Официальный интернет-портал правовой информации. 2005-2024 гг. // Официальный интернет-портал правовой информации 2023 г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013> (дата обращения: 05.11.2024).

нетрадиционной религиозности. Прежде всего, ученые – религиоведы и социологи мирового сообщества до сих пор спорят о системе критериев, по которым можно было бы определять религиозные учения и сформированные различного рода течения в разряд новых, так называемых, «нетрадиционных».

Разработка понятийного аппарата продолжается. В наших социологических исследованиях с 2008 года используются понятие «нетрадиционные религии» (Кублицкая, Лютенко, 2021). В условиях постоянно изменяющегося религиозного ландшафта возникает необходимость дальнейшей разработки концепции изучения феномена нетрадиционной религиозности и методики отбора групп с нетрадиционной религиозностью в социологических исследованиях.

Цель данного тематического исследования – выявление возможных различий социокультурных и семейных ценностных ориентаций в типологических группах с разной степенью нетрадиционной религиозности.

Методология и методы (Methodology and methods). Ценностные ориентации, понятия и классификация ценностей представлены в работах: Д. Ю. Ваниянц, А. О. Гаврилова, Э. Р. Зарединова, А. Ш. Назарова, Ф. М. Бородкина, П. И. Касаткина, Ч. Хункай и др.

Для нас представляет особый интерес изучение культурных ценностей, которым занимается социальный психолог Ш. Шварц, разработавший методику диагностики базовых ценностей индивидуального уровня. Он выделил 10 универсальных ценностей, различающихся типом мотивации и образующих круг, состоящий из 4 мегаблоков (Schwartz, 1992). Согласно теории Шварца, базовые ценности являются некими абстрактными целями, неразрывно связанными с эмоциональной сферой человека и направляющими его жизнедеятельность. Ценности служат индикаторами

фундаментальных изменений в обществе (Панкратова, 2011). Следует упомянуть также Рональда Инглхарта, который основал проект World Values Survey и создал организационную инфраструктуру для сравнительных исследований, тем самым способствуя объединению ученых, изучающих ценности. Инглхарт разработал теорию мотиваций, в центре которой – развитие постматериалистических ценностей. Ученый определил, что новые ценности подпитываются за счет социальных сил. В своей «пересмотренной теории модернизации» Инглхарт расширил понятие постматериалистических ценностей до более широкой концепции «ценностей самовыражения» (Инглхарт, 2018).

Так как в статье будут рассмотрены ценностные ориентации типологических групп с нетрадиционными религиозными взглядами, необходимо дать краткое описание нетрадиционных учений, которые заинтересовали население изучаемых регионов.

Нетрадиционными / новыми религиями и учениями называют современные религиозные объединения, отличающиеся нововведениями в вере или использующие некоторые элементы традиционных конфессий. Изучением новых / нетрадиционных религий занимались западные и российские ученые: Л. Досон, Д. Бекфорд, А. Баркер, У. Бэйнбридж, Е. Г. Балагушкин, Л. Н. Митрохин, Ю. В. Рыжов и др. (Dawson, 1998; Stark 1985; Beckford, 1985; Баркер, 1997; Vainbridge, 1997; Балагушкин, 1984; Митрохин, 2000; Рыжов, 2006). Много трудов посвящено теме сектантства (Daniels, 1992; Clarke 1999; Shupe 1984), теме новых/нетрадиционных религиозных движений (Балагушкин, 2011; Шиженский, 2014; Энгельштейн, 2002; Митрохин 1997), разработке теоретических проблем, связанных с деятельностью новых/нетрадиционных религиозных движений (Баркер, 1997; Васильева 2011, Кантеров, 2007), анализу происхождения

феномена нетрадиционных религий и их распространению (Casanova, 1994; Stark, 1981; Campbell, 1972).

К мистическим, оккультным, эзотерическим учениям относятся: парапсихологические и экстрасенсорные исследования, астрология, нумерология, хиромантия, спиритизм и пр. Парапсихология до сих пор вызывает активную дискуссию в научном сообществе: считать ли ее наукой или вненаучным учением (Айзенк, Сарджент, 2001). Парапсихологические и экстрасенсорные исследования (паранауки) изучают такие паранормальные явления как телепатия, ясновидение, телекинез, полтергейст и др. при помощи научных методов.

Астрология – это, прежде всего, вероучение, которое с помощью системы предсказательных практик пытается доказывать закономерность воздействия космических тел на Землю, на поступки и судьбу человека. Много различных мотиваций обращения населения к астрологии: стресс (Lillqvist, Lindeman, 1998; Tyson, 1982), нахождение точки опоры в будущем и т.д. В настоящее время социальные сети с красочными постами в тематических сообществах делают это учение общедоступным для современного человека. Нумерология – эзотерическое учение о влиянии чисел на судьбу человека. С помощью учения о числах, нумерологи пытаются предсказывать значимые события.

Нумерология располагает многими методиками подсчета, современные интернет-технологии сделали доступным услуги нумерологов.

Современное неоязычество – совокупность объединений, основанных на дохристианских верованиях и культах, магических обрядах и практиках (Гайдуков, 2016). Идеологическая составляющая неоязычества основывается на утрате современного поколения связи с предками, защите исконных традиционных ценностей и традиций. Неоязычники

практикуют отказ от современных тенденций, проникающих в русскую культуру извне, что отражается в их образе жизни и идеях вероучения (Коноплева, Кахута, 2019).

В социологический анализ перечисленных наиболее распространенных нетрадиционных учений и оккультных систем включены восточные религии и восточные духовные, физические практики индуизма (йога, медитация и др.). В России буддизм является основной конфессией в трех регионах: Туве, Бурятии и Калмыкии. Но на территории Москвы и Белгородской области буддизм не является распространенной религией. Статистика и мониторинговые исследования показывают, что по признаку конфессиональной самоидентификации относят себя к буддистам не более 1% населения этих регионов. Поэтому вполне допустимо включение буддизма в категорию нетрадиционных религий для данных территориальных субъектов РФ. Буддизм, наряду с восточными духовными и физическими практиками, в последнее время оказался в тренде у населения. Ученые отмечают популяризацию буддизма и его адаптацию к культуре новых для него территорий (Базаров, 2019, Уланов, 2007). Рост интереса населения к буддизму основан на философии учения, которая указывает методы преодоления проблем и ограничений, достижения гармонии внутреннего мира, способствуя развитию духовного человеческого потенциала.

Эмпирическая база социологического поиска:

– результаты социологических исследований, проведенных в 2024 году Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН в двух субъектах РФ: Москве и Белгородской области. Сбор данных проводился с помощью онлайн-анкеты. Отбор респондентов проведен по репрезентативной квотно-

пропорциональной выборке со связанными половозрастными и территориальными параметрами. Объем выборочных совокупностей: в столице – N = 500 ед., в Белгородской области – N = 501 ед.

Сравнительный анализ в социологическом поиске проводился в двух плоскостях:

- региональный сравнительный анализ социокультурных и семейных ценностей населения с нетрадиционными религиозными взглядами Москвы и Белгородской области;

- сравнительный анализ системы ценностей типологических групп «практикующие» и «непрактикующие».

Необходимо отметить, что изучаемые субъекты РФ имеют различные социокультурные и этноконфессиональные показатели. Столица – высококультурно-образовательный центр России. Несмотря на то, что исторически Москва – хранительница русской культуры и православных традиций, в то же время она продолжает оставаться многонациональным и поликонфессиональным мегаполисом.

Следует обратить внимание, что Белгородская область тяготеет к моноэтничности и моноконфессиональности. «Белгородчина» – традиционно русский регион Российской Федерации. Доминирующая конфессия в регионе – традиционное православное христианство. Уровень традиционной религиозности в регионе превышает 60% (Кублицкая, Лебедев, 2019).

Методолого-методический подход социологического поиска для достижения поставленной цели использовал системную типологизацию /отбора двух групп населения с нетрадиционными религиозными представлениями: «практикующие» (высокая степень нетрадиционной религиозности) и «непрактикующие» (низкая степень нетрадиционной религиозности).

Типологические группы респондентов отбирались по показателям религиозного сознания, мотивации интереса к религии и культового поведения (участия в соответствующих социальных практиках). За основу типологизации брались методические разработки Е. А. Кублицкой (Кублицкая, 1990). Индекс нетрадиционной религиозности рассчитывается по формуле: вера не в Бога, а в другую сверхъестественную силу (Л) + интерес к нетрадиционным воззрениям и религиям, мистическим учениям (М) + мотивация интереса к данным религиям и учениям (Н) + включенность в практику нетрадиционных воззрений, религий, мистических учений (Р).

Типологическая группа «практикующие», характеризующая большим включением в нетрадиционные религиозные отношения, отбиралась по формуле: результирующий показатель религиозного сознания (Л+М+Н) + показатель культового поведения (Р). В группу «практикующие» отбирались респонденты, верящие не в Бога, а в другую сверхъестественную силу, интересующиеся нетрадиционными воззрениями и религиям, мистическими учениями, с глубокой мотивацией увлечения к ним и включающие полностью или частично в свою жизнедеятельность практики этих религий и учений. Типологическая группа «непрактикующие» отбиралась по формуле (Л+М+Н): респонденты, верящие не в Бога, а другую сверхъестественную силу, интересующиеся нетрадиционными религиями, мистическими учениями, с поверхностной мотивацией увлечения нетрадиционными религиями, мистическими учениями, но показатель культового поведения отсутствует (в повседневный быт респондента не включены практики данных религий и учений) (Таблица 1).

Таблица 1

Принцип отбора типологических групп «практикующие» и «непрактикующие» по показателям: нетрадиционного религиозного сознания, мотивации интереса к нетрадиционным религиям и культового поведения

Table 1

Principle of selection of typological groups “practitioners” and “non-practitioners” according to the following indicators: of non-traditional religious consciousness, motivation of interest in religion and cult behavior

Показатели группы «Непрактикующие» / Indicators of the “Non-practicing” group	Показатели группы «Практикующие» / Indicators of the “Practitioners” group
Верят не в Бога, а в существование другой сверхъестественной силы / Believe not in God, but in the existence of another supernatural force	Верят не в Бога, а в существование другой сверхъестественной силы / Believe not in God, but in the existence of another supernatural force
Интересуются восточными религиями, нетрадиционными и мистическими учениями / Interested in Eastern religions, non- traditional religions and mystical teachings	Интересуются восточными религиями, нетрадиционными религиями и мистическими учениями / Interested in Eastern religions, non- traditional religions and mystical teachings
Поверхностная мотивация увлечения восточными религиями, нетрадиционными религиями и мистическими учениями / Superficial motivation for fascination with Eastern religions, non-traditional religions and mystical teachings	Более глубокая мотивация увлечения восточными религиями, нетрадиционными религиями и мистическими учениями / Deeper motivation for fascination with Eastern religions, non-traditional religions and mystical teachings
Не включены в практику этих религий и учений / Not included in the practice of these religions and teachings	Включают полностью или частично в свою жизнедеятельность практики этих религий и учений / Incorporate all or part of the practices of these religions and teachings into their life activities

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Результаты мониторинговых исследований продолжают фиксировать рост интереса у респондентов к нетрадиционным воззрениям и религиям, восточным религиям, мистическим учениям, но с разной степенью интенсивности в изучаемых регионах (Лютенко, 2021)⁶. Так, в Москве среди опрошенных, верящих в сверхъестественную силу, интересуются

нетрадиционными воззрениями и религиями, мистическими учениями 62%. В Белгородской области интересующихся ими намного меньше по сравнению с мегаполисом. Вполне закономерно, что проявляют интерес к нетрадиционным воззрениям и религиям, мистическим учениям всего лишь 32% белгородцев.

Следует отметить, что восточные религии остаются востребованы у москвичей. Например, уровень интереса к

⁶ После очередного этапа мониторинга в методику добавляются показатели тех новых религий и учений, которые имеют больший интерес у

респондентов и исключаются те, которые в течении 3-4 лет в рейтинге значимости получают менее трех процентов.

данным религиям среди населения Москвы по результатам мониторинга с 2021 по 2024 год колеблется в пределах 41% – 38%. Ученые отмечают, в частности, что у европейского населения стал востребован буддизм (Уланов, 2007). Буддизм привлекает доступной, ненавязчивой философией учения в совокупности с системой духовных и физических практик; человек может обрести равновесие и покой, избавиться от стресса и страданий. Занятия йогой также общедоступны, сами практики оказывают положительное влияние на организм человека (Колосов, Чингина, 2019). Астрология адаптировалась под современные потребности своих адептов, сместив поле деятельности в виртуальную среду. Киноиндустрия сохраняет интерес к экстрасенсорным и парапсихологическим исследованиям. За последние годы в массовый кинопрокат вышло немало фильмов по данной тематике, которые сыскали отклик у поклонников данного жанра.

Эмпирические данные популярных направлений нетрадиционных религий у москвичей в 2024 году таковы: лидируют восточные религии и учения⁷, духовные и физические практики индуизма (йога и др.), астрология (38%, 33%, 32% соответственно). Менее популярны экстрасенсорные и парапсихологические исследования, нумерология, хиромантия, неоязычество (18%, 17%, 12%, 8% соответственно). К ним проявляют интерес

в 2 раза меньше респондентов, чем к тройке лидирующих учений. Отметим, что население города практически перестало в последние годы привлекать мистическое течение: спиритизм (1%).

Интерес белгородцев к конкретным нетрадиционным религиям и мистическим учениям незначителен. Небольшой интерес фиксируется к астрологическим изысканиям (9%). Еще менее популярны восточные религии и учения, их духовные и физические практики, экстрасенсорные и парапсихологические исследования. К ним проявили интерес всего 5% опрошенных в Белгородской области. Остальными нетрадиционными учениями интересуются менее 4% белгородцев (Рисунок 1).

Типологические группы респондентов отбирались по показателям религиозного сознания, мотивации интереса к религии и культового поведения (участия в соответствующих социальных практиках). За основу типологизации брались методические разработки Е. А. Кублицкой (Кублицкая, 1990). Индекс нетрадиционной религиозности рассчитывается по формуле: вера не в Бога, а в другую сверхъестественную силу (Л) + интерес к нетрадиционным воззрениям и религиям, мистическим учениям (М) + мотивация интереса к данным религиям и учениям (Н) + включенность в практику нетрадиционных воззрений, религий, мистических учений (Р).

⁷ Мы сочли возможным говорить об интересе к восточным религиям, т.к. в московском мегаполисе и Белгородской области буддизм и связанные с ней близко религиозные течения не являются

традиционными, и по удельному весу они не превышают 1% среди религиозного населения в изучаемых регионах.

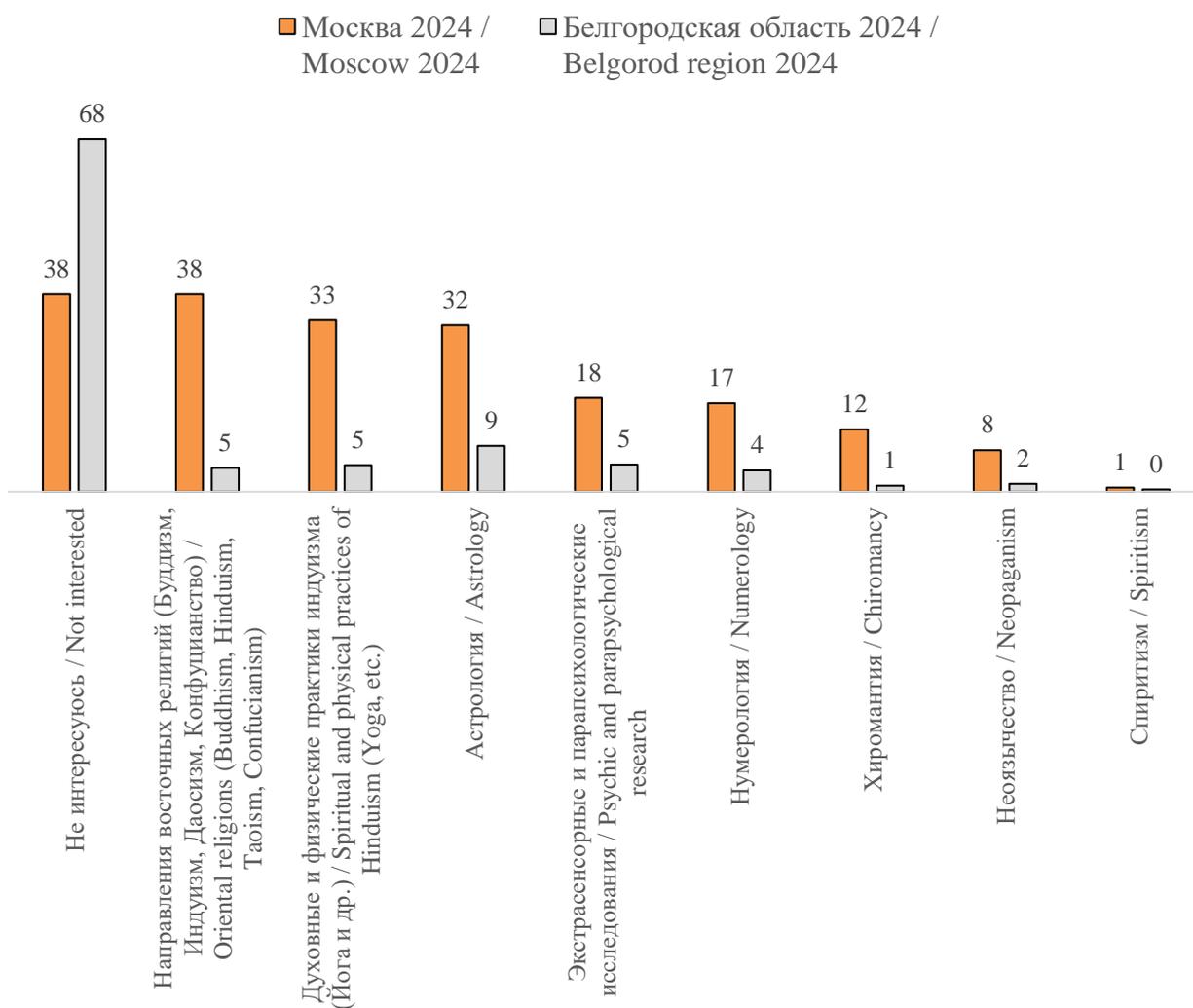

Рисунок 1. Интерес населения к восточным религиям, мистическим учениям и нетрадиционным воззрениям и религиям (в % от опрошенной группы верующих только в сверхъестественные силы). Москва, Белгородская область – 2024 г.⁸

Figure 1. Interest of the population in Eastern religions, mystical teachings and non-traditional views and religions (% of the surveyed group believing only in supernatural forces). Moscow, Belgorod region – 2024

Типологическая группа «практикующие», характеризующая большим включением в нетрадиционные религиозные отношения, отбиралась по формуле: результирующий показатель религиозного сознания (Л+М+Н) + показатель культового поведения (Р). В группу «практикующие» отбирались респонденты, верящие не в Бога, а в другую сверхъестественную силу,

интересующиеся нетрадиционными воззрениями и религиям, мистическими учениями, с глубокой мотивацией увлечения к ним и включающие полностью или частично в свою жизнедеятельность практики этих религий и учений (в основном практики восточных религий и учений). Типологическая группа «непрактикующие» отбиралась по формуле (Л+М+Н): респонденты, верящие не в Бога,

⁸ Источник: Отдел этноконфессиональных, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

а другую сверхъестественную силу, интересующиеся нетрадиционными религиями, мистическими учениями, с поверхностной мотивацией увлечения нетрадиционными религиями, мистическими учениями, но показатель культового поведения отсутствует (в повседневный быт респондента не включены практики данных религий и учений).

По вышеизложенным методическим разработкам для дальнейшего социологического анализа были сформированы типологические группы «практикующие» – (67% в Москве и 58% в Белгородской области) и «непрактикующие» – (26% и 24% соответственно) (Рисунок 2).

Рисунок 2. Типологические группы «практикующие» и «непрактикующие» (в % от показателей по отношению к восточным религиям, нетрадиционным религиям и мистическим учениям). Москва, Белгородская область – 2024 г.⁹

Figure 2. Typological groups “practitioners” and “non-practitioners” (% of indicators in eastern religions, relation to non-traditional religions and mystical disciples). Moscow, Belgorod region – 2024

Один из важных показателей религиозного сознания – «мотивация интереса, увлечения» выявляет уровень возможного включения респондента в область нетрадиционных религиозных отношений.

Сформированным типологическим группам «практикующие» и «непрактикующие» был предложен на выбор ряд утверждений, характеризующих мотивацию увлечения нетрадиционными религиозными учениями (см. Таблица 2). В группах «практикующие» по всем индикаторам мотивация интереса и увлечения восточными религиями, нетрадиционными воззрениями и религиями, мистическими учениями

значительно выше, чем в группах «непрактикующие». Так, «практикующие», следуя философии восточных учений, чаще выбирают утверждения, связанные с самосовершенствованием человека, считая также, что «эти учения открывают им путь познания сущности мира и достижения с ним внутренней гармонии». Среди «практикующих» в 2 раза больше тех, кто интересуется восточными религиями и учениями, их духовными и физическими практиками, чем в группах «непрактикующих». Подобная тенденция характерна для респондентов и Московского региона, и Белгородчины. Несомненно, и социальная микросреда

⁹ Источник: Отдел этноконфессиональных, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

оказывает существенное воздействие на индивида. Половина опрошенных в группе «практикующих» москвичей сообщили, что их родственники, друзья и знакомые изучают или практикуют данные

воззрения. Среди белгородцев таковых в 4 раза меньше, что подтверждается представленными выше эмпирическими данными.

Таблица 2

Мотивация интереса к восточным религиям, мистическим учениям, нетрадиционным воззрениям и религиям «практикующих» и «непрактикующих» (в % от числа опрошенных в типологических группах). Москва, Белгородская область – 2024 г.¹⁰

Table 2

Motivation of interest in Eastern religions, mystical teachings, non-traditional views and religions of “practitioners” and “non-practitioners” (% of the number of respondents in the typological groups). Moscow, Belgorod region – 2024.

Утверждения / Allegations	Москва 2024 / Moscow 2024		Белгородская область 2024 / Belgorod region 2024	
	Непрактикующие / Non-practicing	Практикующие / Practicing	Непрактикующие / Non-practicing	Практикующие / Practicing
1. Традиции, нормы и культура мировых религий не всегда помогают мне в повседневной жизни / The traditions, norms and culture of the world's religions don't always help me in my daily life	0	34	60	74
2. Заслуживают внимания для научного изучения / Noteworthy for scientific study	59	82	66	91
3. Повышают самоконтроль личности, чувство спокойствия / Increase self-control of the individual, a sense of calmness	44	73	63	69
4. Расширяют физиологические возможности человека / Expand human physiological capabilities	15	65	21	57
5. Способствуют нравственному совершенствованию человека / Contribute to the moral improvement of a person	36	49	48	53
6. Являются привлекательными своей оригинальностью, экстравагантностью / Are attractive by their originality, their extravagance	46	64	59	84
7. Открывают путь познания сущности мира и достижения с ним внутренней гармонии / Open the way to know the essence of the world and achieve inner harmony with it	23	62	15	50
8. Мои знакомые, родственники, друзей изучают или практикуют эти учения / My acquaintances, relatives, friends are studying or practicing these teachings	11	52	5	12

¹⁰ Источник: Отдел этноконфессиональных, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН

Семейные ценности населения с нетрадиционными религиозными взглядами. Для анализа семейных ценностей населения с нетрадиционными религиозными взглядами, выделены показатели: «семейное положение», «наличие детей», а также ценностное восприятие семьи, любви и воспитания детей.

При региональном сравнительном анализе выявлены следующие результаты.

Москва:

- «практикующие»: 40% состоят в семейных отношениях (29% – в официальном браке и 11% – в гражданском), у 55% из них детей не имеют. 22% респондентов имеют одного ребенка, 15% – 2 ребенка и 6% – 3 ребенка;

- «непрактикующие»: 62% семейных пар (55% состоят в официальном браке и 7% – в гражданском). 41% респондентов не имеют детей, у 23% – один ребенок, 30% имеют двоих детей и 6% – троих детей.

Таким образом, в мегаполисе больше половины «непрактикующих» состоят в официальном браке, что почти в два раза больше по сравнению с «практикующими». Кроме того, в группе «непрактикующих» больше респондентов, имеющих двое детей и меньше тех, у кого детей нет в сравнении с оппозиционной группой. Отметим также, что в группе «практикующих» больше холостых/незамужних москвичей.

Белгородская область:

- «практикующие» – 65% респондентов находятся в семейных отношениях, причем 47% респондентов состоят в официальном браке и 18% – в гражданском браке. 36% респондентов не имеют детей. Зафиксировано, что во многих семьях растет два ребенка – 39%;

- «непрактикующие» – 61% семейных пар (49% состоят в официальном браке и 12% – в незарегистрированных отношениях). В семьях в основном по 2-3 ребенка;

Белгородский регион отличается большим количеством детей у населения в изучаемых группах, причем многодетных среди белгородцев больше, чем среди москвичей.

Если рассматривать типологические группы независимо от региона, то в группах «непрактикующих» фиксируется: больше семей с детьми, в том числе многодетных, по сравнению с «практикующими» (см. Таблица 3).

При анализе ценностей «любовь» и «семья и воспитание детей», выявлена вполне логичная закономерность: в группах «практикующих» больше ценят просто любовь, чем ценность семьи и детей. У «непрактикующих», наоборот, ценность «семья и воспитание детей» выше, чем ценность «любовь» (Рисунок 3 – Москва и Белгородская область).

Таблица 3

Отношение к семейным ценностям «практикующих» и «непрактикующих»
(в % от числа опрошенных в типологических группах).
Москва, Белгородская область – 2024 г.¹¹

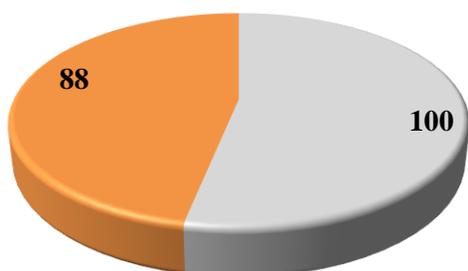
Table 3

Attitudes towards family values of “practitioners” and “non-practitioners” (% of the number of respondents in the typological groups). Moscow, Belgorod Oblast – 2024

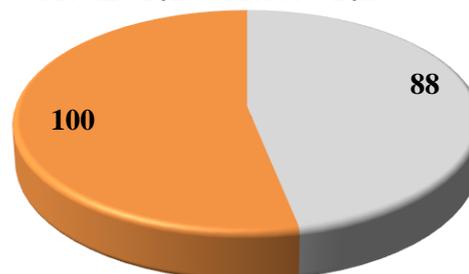
		Москва 2024 / Moscow 2024		Белгородская область 2024 / Belgorod region 2024	
		Непрактикующие / Non-Practicing	Практикующие / Practicing	Непрактикующие / Non-Practicing	Практикующие / Practicing
1. Семейное положение / Family status	1. Холост (не замужем) / Single (single)	21	37	18	22
	2. Состою в официально зарегистрированном браке / I am officially married	55	29	49	47
	3. Проживаю в «гражданском браке» (сожительство) / I live in a “common-law marriage” (cohabitation)	7	11	12	18
	4. Разведен/разведена / Divorced / divorced	13	13	11	5
	5. Вдовец/вдова / Widower/widow	4	11	9	8
2. Количество детей / Number of children	1. Один ребенок / One child	23	22	13	13
	2. Двое детей / Two children	30	15	34	39
	3. Трое детей / Three children	6	6	23	10
	4. Больше, чем трое детей / More than three children	0	3	5	2
	5. Нет детей / No kids	41	55	25	36
3. Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком) / Love (spiritual and physical intimacy with a loved one)	Очень важная + важная / Very important + important	88	100	73	86
4. Семья и воспитание детей (счастливая семейная жизнь) / Family and parenting (happy family life)	Очень важная + важная / Very important + important	100	88	100	82

¹¹ Источник: Отдел этноконфессиональных, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

Практикующие / Practicing
Москва 2024 / Moscow 2024

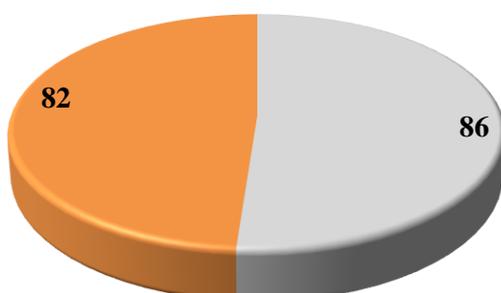

Непрактикующие / Non-practicing
Москва 2024 / Moscow 2024

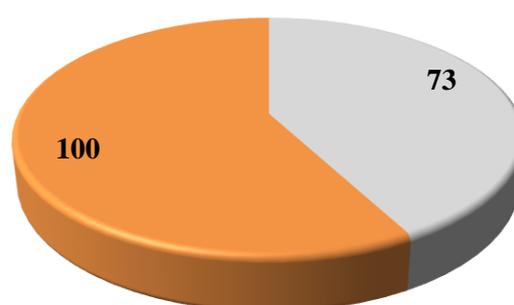
Практикующие / Practicing

Белгородская область 2024 / Belgorod region 2024

Непрактикующие / Non-practicing

Белгородская область 2024 / Belgorod region 2024

■ Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком) / Love (spiritual and physical intimacy with a loved one)

■ Семья и воспитание детей (ценность очень важная + важная) / Family and parenting (value is very important + important)

Рисунок 3. Ценности «любовь» и «семья и воспитание детей» для «практикующих» и «непрактикующих» очень важные+ важные (в % от числа опрошенных в типологических группах). Москва, Белгородская область, 2024 г.¹²

Figure 3. The values of “love” and “family and parenting” for “practitioners” and “non-practitioners” very important + important (% of the surveyed group interested in Eastern religions, mystical teachings and non-traditional views). Moscow, Belgorod region, 2024

Социокультурные и социально-политические ценности населения с нетрадиционными религиозными взглядами. В исследованиях предпринята попытка выявления возможного воздействия нетрадиционных религиозных взглядов на социально-политические и социокультурные ценностные ориентации. Для анализа были взяты показатели

традиционных ценностей, которые веками оказывали влияние на социокультурную составляющую российской идентичности, ее цивилизационного пространства. Именно эти ценности сохраняются в «исторической памяти» «государства российского».

Отметим, что на индивидуальном уровне социальные ценности – это некие

¹² Источник: Отдел этноконфессиональных, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

цели и ориентиры, которые близки индивиду. И классификация ценностей Ш. Шварца основывается на разработках М. Рокича и его собственной концепции о универсальности базовых ценностей индивида (Карандашев, 2004). В методике Шварца ценности сгруппированы в типы в зависимости от их целей. В наших исследованиях ценности были систематизированы с учетом классификации Ш. Шварца, но с некоторыми изменениями показателей универсальных ценностей, которые близки традиционным историческим российским ценностям¹³.

Типы ценностей:

1. *Универсализм* – защита благополучия всех людей:

- показатель «Общественный порядок».

2. *Коллективизм* – главенство интересов общества, государства, нации:

- показатель «Счастье и благополучие других» (близких, друзей, народа и человечества в целом)

3. *Традиции* – принятие и соблюдение исторических обычаев и идей культуры общества:

- показатель «Патриотизм» (любовь к Родине, Отечеству, благополучие страны и своего народа).

4. *Самостоятельность* – самостоятельный выбор действий и решений:

- показатель «Свобода» (независимость в поступках и действиях).

5. *Достижение* – личный успех, достигнутый с помощью определенных компетенций, соответствующих стандартам конкретной общности:

- показатель «Саморазвитие» (работа над собой, постоянное физическое и

духовное совершенствование);

- показатель «Активная жизненная позиция» – АЖП (максимально полное использование своих сил и способностей).

6. *Безопасность* – гармония, стабильность общества, своя безопасность и других:

- показатель «Безопасность».

7. *Законность* – равенство всех граждан перед законом, свобода слова и др.:

- показатель «Обеспечение прав и свобод человека».

8. *Семья* – социальная микросреда: брачные отношения, общность быта, рождение и воспитание детей:

- показатель «Семья и воспитание детей» (счастливая семейная жизнь).

Респондентам было предложено отметить важность каждой ценности по четырем пунктам шкалы: «очень важная», «важная», «неважная», «затрудняюсь ответить». Тем не менее, для выявления значимой разницы в ответах типологических групп, в сводной таблице 4 указана только крайняя позиция индикатора: «очень важная».

Полученные результаты показали, что «практикующим» москвичам присуща более активная жизненная позиция и самостоятельность по сравнению с «непрактикующими». Им в большей степени близки ценности: «активная и деятельная жизнь», «саморазвитие», «свобода». «Непрактикующие» москвичи в своем большинстве «общественники»: им свойственен «общественный порядок», «коллективизм», «законность», «патриотизм», «жертвенность», «семейственность». Традиционные ценности этого порядка достигают до 86 % (см. Рисунок 4).

¹³ Указаны только типы ценностей, которые использованы в тематическом анализе.

Таблица 4

Ценностные ориентации «практикующих» и «непрактикующих» по классификации ценностей Шварца (в % от числа опрошенных в типологических группах). Москва, Белгородская область – 2024 г.¹⁴

Table 4

Value orientations of “practitioners” and “non-practitioners” according to the Schwartz’s classification of values (% of the number of respondents in the typological groups). Moscow, Belgorod region – 2024

Очень важные ценности / Very important values	Москва 2024 / Moscow 2024		Белгородская область 2024 / Belgorod region 2024	
	Непрактикующие / Non-practicing	Практикующие / Practicing	Непрактикующие / Non-practicing	Практикующие / Practicing
1. Патриотизм (любовь к Родине, Отечеству, благополучие страны и своего народа) / Patriotism (love for the Motherland, Fatherland, well-being of the country and its people)	59	19	54	38
2. Общественный порядок / Public order	76	68	38	30
3. Безопасность / Security	77	66	60	50
4. Обеспечение прав человека (равенство всех граждан перед законом, свобода слова, и др.) / Ensuring human rights (equality of all citizens before the law, freedom of speech, etc.).	76	68	73	64
5. Счастье и благополучие других (близких, друзей, народа, человечества в целом) / Happiness and well-being of others (loved ones, friends, nation, humanity as a whole)	86	51	63	59
6. Семья и воспитание детей (счастливая семейная жизнь) / Family and parenting (happy family life)	86	49	78	60
7. Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком) / Love (spiritual and physical intimacy with a loved one)	34	49	51	62
8. Свобода (независимость в поступках и действиях) / Freedom (independence in deeds and actions)	28	49	53	64
9. Саморазвитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование) / Self-development (self-improvement, constant physical and spiritual improvement)	43	60	60	76
10. Активная и деятельная жизнь (максимально полное использование своих сил и способностей) / Active and active life (maximizing the use of one's strengths and abilities)	38	42	53	59

¹⁴ Источник: Отдел этноконфессиональных, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

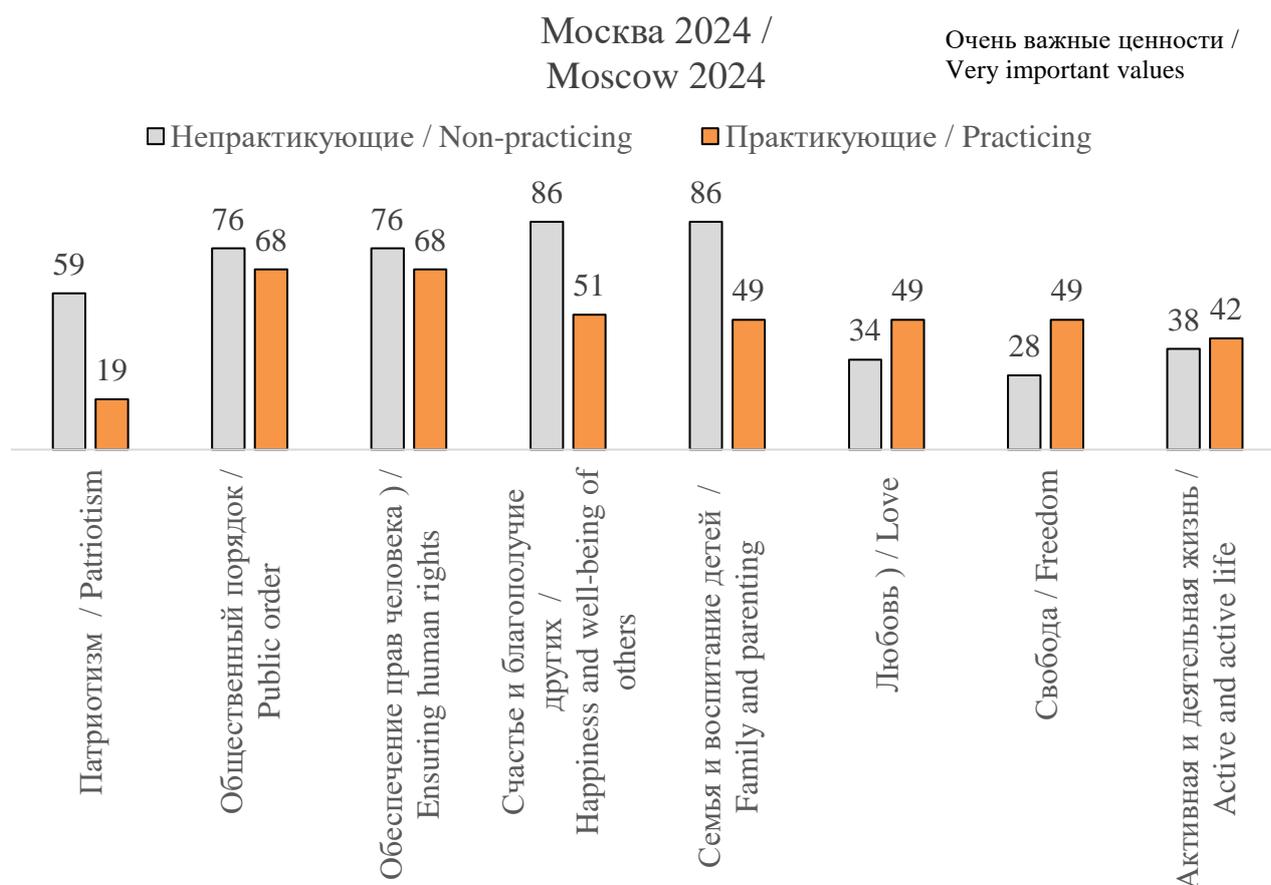

Рисунок 4. Ценностные ориентации «практикующих» и «непрактикующих» по классификации ценностей Шварца (в % от числа опрошенных в типологических группах). Москва – 2024 г.¹⁵
Figure 4. Value orientations of 'practitioners' and 'non-practitioners' according to the Schwartz's classification of values (% of the number of respondents in the typological groups). Moscow – 2024.

Хотелось бы отметить существенное различие в этих группах москвичей в оценке «патриотизма»: 59% «непрактикующих» и только 19% «практикующих» считают эту ценность очень важной для жизнедеятельности общества. Типологические группы

респондентов в Белгородской области полностью повторяют данную направленность ориентаций в отношении предложенных ценностей, несмотря на количественное различие в оценке важности тех или иных показателей (см. Рисунок 5).

¹⁵ Источник: Отдел этноконфессиональных, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

Белгородская область 2024 /
Belgorod region 2024

Очень важные ценности /
Very important values

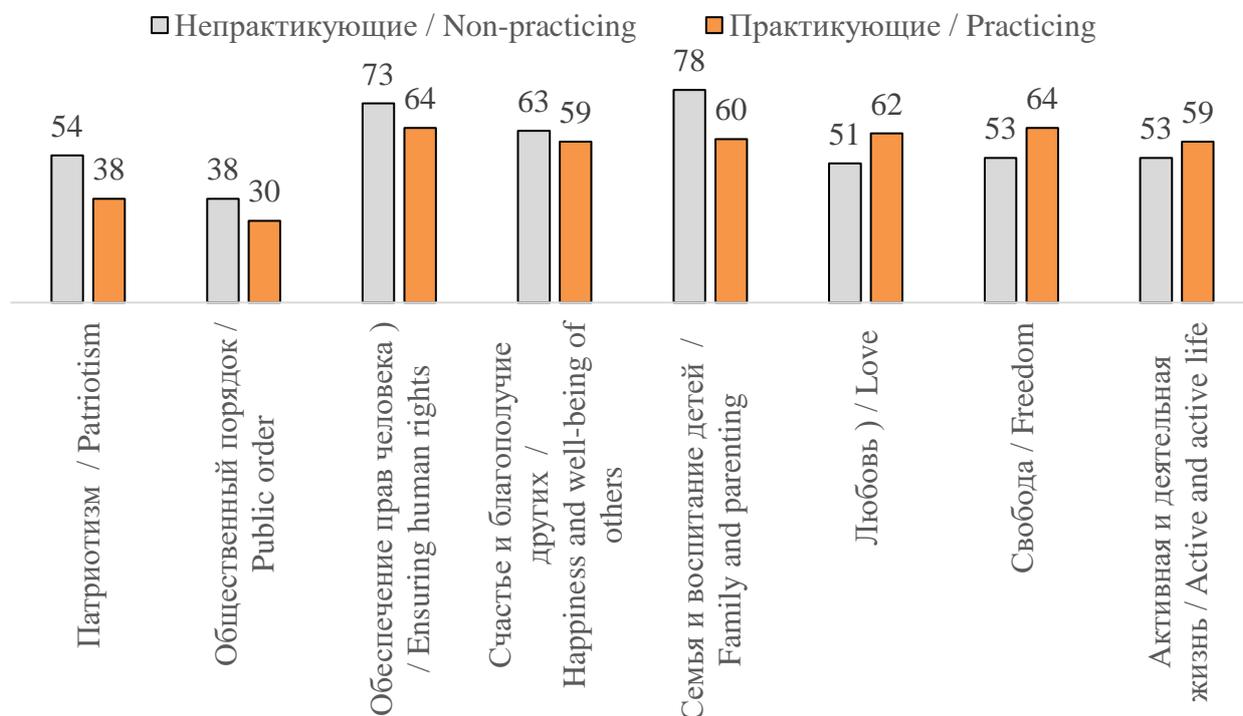

Рисунок 5. Ценностные ориентации «практикующих» и «непрактикующих» по классификации ценностей Шварца (в % от числа опрошенных в типологических группах). Белгородская область – 2024 г.¹⁶

Figure 5. Value orientations of 'practitioners' and 'non-practitioners' according to the Schwartz's classification of values (% of the number of respondents in the typological groups). Belgorod region – 2024.

В социологическом анализе также была использована шкала «идей и ценностей национального согласия», неоднократно апробированная в практике наших мониторинговых социологических исследований с 2003 года. Шкала определяет место идей и ценностей в структуре общенациональных идей консолидации. Строились четыре социальных среза ценностей. Выделение «знаковых» ценностных идей велось через показатели, характеризующие:

– социально-политические ценности («патриотизм», «социализм», «общественное самоуправление», самодержавие);

– социально-правовые ценности («безопасность», «общественный порядок», «права человека»);

– социально-нормативные ценности («социальная справедливость и равенство и равенство перед законом»);

– социальные духовно-культурные и этнорелигиозные ценности («духовность», «национальная гордость», «интернационализм», «религиозные традиции»).

Востребованность тех или иных идей «национального согласия» фиксировались через ранжированные оценки по 13-ти предложенным номинациям (Кублицкая, 2023).

¹⁶ Источник: Отдел этноконфессиональных, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

По результатам сопоставления номинаций предложенных респондентам шкал доказано, что наиболее значимыми для каждой типологической группы оказались одни и те же ценностные ориентации, или близкие по смыслу, за исключением «социальной справедливости». Эта номинация оказалась первой в рейтинге и в обоих субъектах РФ (Москва, Белгородская область), и в обеих группах «непрактикующие» – «практикующие». Ценности «свобода и права человека», «демократия» в группах «практикующих» в процентном отношении значительно превышают те же позиции у «непрактикующих». И с точностью наоборот, возможными объединительными ценностями «непрактикующие» в большей степени, чем «практикующие» считают «общественный порядок», «безопасность» и «патриотизм».

Заключение (Conclusions).

Тематический срез социологического поиска был направлен на выявление некоторых деструктивных идеологических факторов, препятствующих сохранению традиционных ценностей в религиозной сфере. В условиях непрерывного изменения религиозного ландшафта становится все более актуальным изучение системы ценностей, которые определяют поведение групп населения с нетрадиционными религиозными взглядами. Результаты социологического исследования должны были показать, существуют ли серьезные различия в традиционных социокультурных и семейных ценностных ориентациях у населения с разной степенью увлечения нетрадиционными религиозными учениями и мистическими течениями?

Решение поставленной цели осуществлялось путем отбора респондентов в типологические группы по показателям *отношения к нетрадиционным религиям и мистическим учениям*. Выделены группы: «практикующие», соответствующие всем показателям нетрадиционной

религиозности, и «непрактикующие», не участвующие в нетрадиционной культовой практике.

Исследуемые субъекты Российской Федерации (Москва и Белгородская область) были выбраны целенаправленно с учетом различия их социально-экономических и этноконфессиональных особенностей. Сравнительный анализ в социологическом поиске проводился в двух плоскостях:

1) межрегиональный сравнительный анализ социокультурных и семейных ценностей населения Москвы и Белгородской области;

2) сравнительный анализ системы ценностей типологических групп «практикующие» и «непрактикующие» верующие.

По результатам межрегионального сравнительного анализа выявлено то, что:

- москвичи проявляют больший интерес к нетрадиционным воззрениям и религиям, восточным религиям и мистическим учениям, и в большей степени включены в практики этих учений, по сравнению с белгородцами;

- семейным ценностям более привержено население Белгородской области, где (с учетом соотношения численности населения этих субъектов РФ) больше семейных пар и многодетных семей, чем у населения столичного мегаполиса.

Полученные социологические данные также показали значительную разницу в отношении семейного уклада изучаемых типологических групп. В группах «практикующих» по сравнению с группами «непрактикующих» больше респондентов, у которых нет детей, а также больше респондентов, состоящих в неофициальном браке. Вполне логично, что именно среди «непрактикующих» больше многодетных семей, которые более высоко ставят ценности семейных отношений.

Следует отметить, что социологические данные исследований 2024 года, проведенных в Москве и

Белгородской области (с использованием квалификационных шкал ценностей)

Ш. Шварца и шкалы «идей и ценностей национального согласия») фиксируют серьезные различия в оценках значимости семейных и основных социокультурных ценностей в типологических группах.

По квалификационной шкале Ш. Шварца (с коррекцией показателей универсальных ценностей, близких традиционным историческим российским ценностям):

- «практикующим» москвичам присуща более активная жизненная позиция и самостоятельность по сравнению с «непрактикующими». Им в большей степени близки типы ценностей: «активная и деятельная жизнь», «саморазвитие», «свобода»;

- «непрактикующие» москвичи в своем большинстве «общественники»: им близки ценностные ориентации на «общественный порядок», «коллективизм», «законность», «патриотизм», «жертвенность», «семейственность». Их ориентации на традиционные ценности этого типа достигают 86 %.

Типологические группы респондентов в Белгородской области полностью повторяют направленность ориентаций в отношении предложенных ценностей, несмотря на количественное различие в оценке важности тех или иных показателей.

Шкала «идей и ценностей национального согласия», определяя место идей и ценностей в структуре общенациональных идей консолидации, показала, что наиболее значимыми для каждой типологической группы оказались те же или близкие по смыслу ценностные ориентации. Ценности «свобода и права человека», «демократия» в группах «практикующих» значительно превышают в процентном отношении эти же позиции у «непрактикующих». И, наоборот, объединительными ценностями

«непрактикующие» в большей степени, чем «практикующие», считают «общественный порядок», «безопасность» и «патриотизм».

Следовательно, социологический анализ подтверждает, что группа «практикующих» респондентов, включенных в различные формы нетрадиционных религиозных отношений, менее ориентирована в своей жизнедеятельности на традиционные социокультурные и семейные ценности в отличие от респондентов, входящих в группу «непрактикующие». Напротив, ориентации на ценности «крепкой семьи», «гражданственности», «коллективизма» и «патриотизма» сохраняются в большей степени у группы респондентов, мало интересующихся нетрадиционными религиозными и оккультными верованиями («непрактикующие»).

Несмотря на то, что много трудов посвящено нетрадиционным/новым религиям и учениям, у социологов-религиоведов до сих пор нет полноценного методического инструментария, позволяющего определять респондентов с нетрадиционной религиозностью при проведении социологических исследований. В перспективе необходима дальнейшая разработка методических показателей и индикаторов нетрадиционной религиозности. Разработка методического инструментария необходима, в первую очередь, для определения уровня и степени нетрадиционной религиозности респондента, а, следовательно, распространенности нетрадиционной религиозности. Иными словами, для уточнения характеристик религиозной ситуации в российском обществе. Результаты объективного анализа изменения и характеристик религиозного ландшафта, выявления возможных негативных ценностных позиций некоторых новомодных религиозных течений могут использоваться в практике мероприятий, посвященных темам консолидации, многообразия

национальных и религиозных традиций и обычаев. Это будет способствовать налаживанию межкультурного и межрелигиозного взаимодействия в многонациональном российском обществе.

Список литературы

- Айзенк Г., Сарджент К. Объяснение необъяснимого. Тайны паранормальных явлений. Москва: Эксмо-Пресс, 2001. 384 с.
- Аналитика мистицизма / под ред. Е.Г. Балагушкина. Москва: Канон, 2011. 432 с.
- Базаров Б. В. Буддизм и вызовы XXI века // Вестник БНЦ СО РАН, 2014. № 3(15). С. 12-16.
- Балагушкин Е. Г. Критика современных нетрадиционных религий. Москва: Изд-во МГУ, 1984. 288 с.
- Баркер А. Новые религиозные движения. Практическое введение: пер. с англ. Санкт-Петербург: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1997. 280 с.
- Васильева, Е.Н. Церковь и секта: развитие научных представлений. Саарбрюкен: ЛАП, 2011. 183 с.
- Гайдуков А. В. Новое язычество. Неоязычество. Родноверие: проблема терминологии // Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования. Н. Новгород: Мининский ун-т, 2016. С. 24-46.
- Иванова С. Ю. Изменение ценностной парадигмы российского общества в эпоху транзита // Модернизация полиэтнического региона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития: материалы Всероссийской научной конференции. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 47-53.
- Инглхарт Р. И. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Рональд Инглхарт; пер. с англ. С. Л. Лопатиной, под ред. М. А. Завадской, В. В. Косенко, А. А. Широкаковой, научн. ред. Э. Д. Панарин. Москва: Мысль, 2018. 347 с.
- Кантеров, И. Я. Новые религиозные движения в России (религиоведческий анализ). Москва: МГУ им. М. Ломоносова, 2007. 472 с.
- Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 70 с.
- Колосов Г. Н., Чингина Е. Н. Восприятие духовной и физической практики в йоге в мире и в России // E-Scio. 2019. № 10 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-duhovnoy-i-fizicheskoy-praktiki-v-yoge-v-mire-i-v-rossii> (дата обращения: 21.06.2024).
- Коноплева А. А., Кахута И. О. Причины популярности неоязычества в современном российском обществе // Манускрипт. 2019. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-populyarnosti-neoyazychestva-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve> (дата обращения: 16.11.2024).
- Кублицкая Е. А. Основные ценности консолидации российского общества в представлениях религиозной и нерелигиозной студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 2. С. 26. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3>.
- Кублицкая Е. А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95-103.
- Кублицкая Е. А., Лебедев С. Д. Религиозная ситуация в Белгородской области (мониторинговые исследования) // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaaya-situatsiya-v-belgorodskoy-oblasti-monitoringovye-issledovaniya> (дата обращения: 07.11.2024).
- Кублицкая Е. А. Лютенко И. В. Религиозность в саморегуляции жизнедеятельности молодежи // Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики: монография / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневский и др.; науч. ред. Ю. А. Зубок. Белгород: ООО «Эпи-центр», 2021. С. 217-247.
- Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер», 2019. 480 с.
- Ласточкина М. А. Жизненные ценности населения региона в социокультурном контексте // Вестник Омского университета. Сер. Экономика. 2015. № 3. С. 141-146.
- Лютенко И. В. Интерес к нетрадиционным религиям московской молодежи и мигрантов (сравнительный анализ 2021 г.) // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 122-134. DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.10>.

Митрохин, Л. Н. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки). Санкт-Петербург: РХГИ, 1997. 480 с.

Митрохин Л. Н. Религия и культура: (Филос. очерки) / Л. Н. Митрохин; Рос. акад. наук. Ин-т философии. Москва: ИФРАН, 2000. 316 с.

Панкратова А. Изменение ценностей детей и взрослых в современной России (1992-2009) // Психологические исследования. 2011. № 4 (15). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v4i15.875>.

Рыжов Ю. В. Ignoto Deo: новая религиозность в культуре и искусстве. Москва: Смысл, 2006. 328 с.

Уланов М. С. Буддизм в контексте глобализации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2007. Т. 25, № 1-2. С. 252-261.

Шиженский, Р. В. Почвенник от язычества: мировоззренческие дискурсы волхва Велимира (Н. Н. Сперанского). Н. Новгород: Типография «Поволжье», 2014. 202 с.

Энгельштейн Л. Скопцы и царство небесное. Москва: НЛЮ, 2002. 328 с.

Яковлева Ю. А. Семейные установки российских носителей нетрадиционной религиозности // Система ценностей современного общества. 2015. № 40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-ustanovki-rossiyskih-nositeley-netraditsionnoy-religioznosti> (дата обращения: 05.12.2024).

Bainbridge W. S. The Sociology of Religious Movements. New York: Routledge, 1997. 488 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/978020376>.

Beckford J. A. Cult Controversies: The Societal Response to New Religio Movements. London-New York: Tavistock Publ., 1985. 335 p.

Bronner S. J. The Meanings of Tradition: An Introduction // Western Folklore. 2000. Vol. 59, № 2. Pp. 87-104.

Campbell C. The Cult, the Cultic Milieu and Secularization // A Sociological Yearbook of Religion in Britain. 1972. Vol. 5, Pp. 119-36.

Casanova J. Public Religions in the Modern World. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1994. 320 p.

Clarke P. B. Bibliography of Japanese New Religious Movements. London & New York: Routledge, 1999. 276 p.

Daniels T. Millennialism: an international bibliography. New York: Garland Publishing, 1992. 657 p.

Dawson L. L. The cultural significance of new religious movements and globalization A theoretical prolegomenon // Journal for the Scientific Study of Religion. 1998. № 4. Pp. 580-595. DOI: <https://doi.org/10.2307/1388142>.

Lillqvist O., Lindeman M. Belief in astrology as a strategy for self-verification and coping with negative life-events // European Psychologist. 1998. № 3 (3). Pp. 202-208. DOI: <https://doi.org/10.1027/1016-9040.3.3.202>

Shupe A. D. The Anti-cult Movement in America: A Bibliography and Historical Survey. New York: Garland, 1984. 169 p.

Stark R., Bainbridge W. Secularization and Cult Formation in the Jazz Age // Journal for the Scientific Study of Religion. 1981. Vol. 20, № 4. Pp. 360-373.

Stark R., Bainbridge W. S. The Future of Religion: Secularization, Revival and Cult Formation. Berkeley, 1985. 571 p.

Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values: Theory and empiri. cal tests in 20 countries / M. Zanna (ed.). // Advances in experimental social psychology. Vol. 25, New York: Academic Press, 1992. P. 1-65.

Tyson G. A. People who consult astrologers: A profile // Personality and Individual Differences. 1982. № 3 (2). Pp. 119-126. DOI: [https://doi.org/10.1016/0191-8869\(82\)90026-5](https://doi.org/10.1016/0191-8869(82)90026-5).

References

Eysenck, G., Sargent, K. (2001), *Objasnenie neobjasnimogo. Tajny paranormal'nyh javlenij* [Explaining the Unexplainable. Secrets of paranormal phenomena], Eksmo-Press, Moscow, Russia, 384. (In Russian)

Analitika misticizma [Analytics of Mysticism] (2011), in Balagushkin, E. G. (ed), Canon, Moscow, Russia, 432. (In Russian)

Bazarov, B. V. (2014), "Buddhism and the challenges of the XXI century", *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*, (15), 12-16. (In Russian)

Balagushkin, E. G. (1984), *Kritika sovremennyh netradicionnyh religij* [Critique of modern non-traditional religions], Moscow State University Press, Moscow, Russia. (In Russian)

Barker, A. (1997), *Novye religioznye dvizhenija* [New religious movements], Publishers of Russian Christian Institute for the Humanities, St. Petersburg, Russia, 280. (In Russian)

- Vasilieva, E. N. (2011), *Cerkov' i sekta: razvitie nauchnyh predstavlenij* [Church and sect: the development of scientific ideas], LAP, Germany, 183. (In Russian)
- Gaidukov, A. V. (2016), "New paganism. Neo-Paganism. Rodnover: the problem of terminology", *Jazychestvo v sovremennoj Rossii: opyt mezhdisciplinarnogo issledovanija* [Paganism in modern Russia: the experience of interdisciplinary research], Mininsky University, N. Novgorod, Russia, 24-46. (In Russian)
- Ivanova, S. Yu. (2014), "Change of value paradigm of the Russian society in the era of transit", *Modernizacija polijetnichnogo regiona i sopredel'nyh gosudarstv: opyt, problemy, scenarii razvitiya: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii* [Modernization of multi-ethnic region and neighboring states: experience, problems, development scenarios: materials of the All-Russian scientific conference], Izd-vo UNC RAS, Rostov n/D, Russia, 47-53. (In Russian)
- Inglehart, R. I. (2018), *Kul'turnaja jevoljucija: kak izmenjajutsja chelovecheskie motivacii i kak jeto menjaet mir* [Cultural evolution: how human motivations change and how it changes the world], Translated by Lopatina, S. L., in Zavadskaya, M. A., Kosenko, V. V., Shirokanova, A. A., Panarin, E. D. (ed), *Mysl*, Moscow, Russia, 347. (In Russian)
- Kanterov, I. Ya. (2007), *Novye religioznye dvizhenija v Rossii (religiovedcheskij analiz)* [New Religious Movements in Russia (Religious Studies Analysis)], Lomonosov Moscow state university, Moscow, Russia, 472. (In Russian)
- Karandashev, V. N. (2004), *Metodika Shvarca dlja izuchenija cennostej lichnosti: koncepcija i metodicheskoe rukovodstvo* [Schwartz Methodology for the Study of Personal Values: Concept and Methodological Guidelines], Rech, SPb., Russia, 70. (In Russian)
- Kolosov, G. N., Chingina, E. N. (2019), "Perception of spiritual and physical practice in yoga in the world and in Russia", *E-Scio*, 10(37), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-duhovnoy-i-fizicheskoj-praktiki-v-yoge-v-mire-i-v-rossii> (Accessed 21 June 2024). (In Russian)
- Konopleva, A. A., Kahuta, I. O. (2019), "Reasons for the popularity of neo-paganism in modern Russian society", *Manuskript*, (10), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-populyarnosti-neoyazychestva-v-sovremennom-rossijskom-obschestve> (Accessed 16 November 2024). (In Russian)
- Kublitskaya, E. A. (2023), "The main values of consolidation of the Russian society in the perceptions of religious and non-religious student youth", *Research Result. Sociology and Management*, 9 (2). DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3>. (In Russian)
- Kublitskaya, E. A. (1990), "Traditional and non-traditional religiosity: the experience of sociological study", *Sociological Studies*, (5), 95-103. (In Russian)
- Kublitskaya, E. A., Lebedev, S. D. (2019), "Religious situation in the Belgorod region (monitoring research)", *Social and humanitarian knowledge*, (6), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-situatsiya-v-belgorodskoy-oblasti-monitoringovyie-issledovaniya> (Accessed 07 November 2024). (In Russian)
- Kublitskaya, E. A., Lyutenko, I. V. (2021), "Religiosity in the self-regulation of youth life activity", *Samoreguljacija zhiznedateljnosti molodezhi: metodologija i social'nye praktiki* [Youth life self-regulation: methodology and social practices], Zubok, Yu. A., Bezrukova, O. N., Vishnevsky, J. R. et al, Epicenter, Belgorod, Russia, 217-247. (In Russian)
- Campbell, D. (2019), *Tysjachelikij geroj* [Thousand-faced hero], Peter Publishing House, St. Petersburg, 480. (In Russian)
- Lastochkina, M. A. (2015), "Life values of the population of the region in the socio-cultural context", *Vestnik Omskogo universiteta. Serija Jekonomika*, (3), 141-146. (In Russian)
- Lyutenko, I. V. (2022), "Interest in non-traditional religions among Moscow youth and migrants (comparative analysis 2021)", *Science. Culture. Society*, 28 (4), 122-134. DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.10> (In Russian)
- Mitrokhin, L. N. (1997), *Baptizm: istorija i sovremennost' (filosofsko-sociologicheskie ocherki)* [Baptism: History and Modernity (philosophical and sociological essays)], RCHGI, SPb., Russia, 480. (In Russian)
- Mitrokhin, L. N. (2000), *Religija i kul'tura: (Filos. ocherki)* [Religion and Culture: (Philos. Essays)], [L.N. Mitrokhin; Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy], IFRAN, Moscow, Russia, 316. (In Russian)

Pankratova, A. (2011), "Changing values of children and adults in modern Russia (1992-2009)", *Psychological Studies*, 4 (15), DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v4i15.875>. (In Russian)

Ryzhov, Yu. (2006), *Ignoto Deo: novaja religioznost' v kul'ture i iskusstve* [Ignoto Deo: New religiosity in culture and art], Mysl, Moscow, Russia, 328 (In Russian)

Ulanov, M. S. (2007), "Buddhism in the context of globalization", *Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom*, 25 (1-2), 252-261. (In Russian)

Shizhensky, R. V. (2014), *Pochvennik ot jazychestva: mirovozzrencheskie diskursy volhva Velimira (N.N. Speranskogo)* [Pochvennik from paganism: worldview discourses of the Volkhov Velimir (Speransky N. N.)], Printing House "Povolzhye", N. Novgorod, Russia. (In Russian)

Engelstein, L. (2002), *Skopcy i carstvo nebesnoe* [Castration and the Heavenly Kingdom], NLO, Moscow, Russia, 328. (In Russian)

Yakovleva, Yu. A. (2015), "Family attitudes of Russian carriers of non-traditional religiosity", *Sistema cennostej sovremennogo obshchestva*, (40), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-ustanovki-rossijskih-nositeley-netraditsionnoy-religioznosti> (Accessed 05 December 2024). (In Russian)

Bainbridge, W. S. (1997), *The Sociology of Religious Movements*, Routledge, New York, 488. DOI: <https://doi.org/10.4324/978020376>

Beckford, J. A. (1985), *Cult Controversies: The Societal Response to New Religious Movements*, Tavistock Publ., London-New York, 335.

Bronner, S. J. (2000), "The Meanings of Tradition: An Introduction", *Western Folklore*, 59 (2), 87-104.

Campbell, C. (1972), "The Cult, the Cultic Milieu and Secularization", *A Sociological Yearbook of Religion in Britain*, 5, 119-36.

Casanova, J. (1994), *Public Religions in the Modern World*, The University of Chicago Press, Chicago and London, 320.

Clarke, P. B. (1999), *Bibliography of Japanese New Religious Movements*, Routledge, London & New York, 276.

Daniels, T. (1992), *Millennialism: an international bibliography*, Garland Publishing, New York, 657.

Dawson, L. L. (1998), "The cultural significance of new religious movements and globalization A theoretical prolegomenon", *Journal for the Scientific Study of Religion*, (4), 580-595. DOI: <https://doi.org/10.2307/1388142>.

Lillqvist, O., Lindeman, M. (1998), "Belief in astrology as a strategy for self-verification and coping with negative life-events", *European Psychologist*, 3(3), 202-208. DOI: <https://doi.org/10.1027/1016-9040.3.3.202>

Shupe, A. D. (1984), *The Anti-cult Movement in America: A Bibliography and Historical Survey*, Garland, New York, 169.

Stark, R., Bainbridge, W. (1981), "Secularization and Cult Formation in the Jazz Age", *Journal for the Scientific Study of Religion*, 20 (4), 360-373.

Stark, R., Bainbridge, W. S. (1985), *The Future of Religion: Secularization, Revival and Cult Formation*, Berkeley, 571.

Schwartz, S. H. (1992), "Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries", *M. Zanna (ed.). Advances in experimental social psychology*, 25, Academic Press, New York, 1-65.

Tyson, G. A. (1982), "People who consult astrologers: A profile", *Personality and Individual Differences*, 3 (2), 119-126. DOI: [https://doi.org/10.1016/0191-8869\(82\)90026-5](https://doi.org/10.1016/0191-8869(82)90026-5).

Статья поступила в редакцию 20 октября 2024 г. Поступила после доработки 03 декабря 2024 г. Принята к печати 10 декабря 2024 г. Received 20 October 2024. Revised 03 December 2024. Accepted 10 December 2024.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Кублицкая Елена Александровна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Отдела этнодемографических, религиозных и интегративных процессов Института демографических исследований – обособленного подразделения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия.

Elena A. Kublitskaya, PhD in Philosophy, Leading Researcher of the Department of Ethnodemographic, Religious and Integration Processes of the Institute of Demographic Research, a separate subdivision of the Federal State Budgetary Institution of Science, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (IDI FNSC RAS), Moscow, Russia.

Лютенко Ирина Викторовна, младший научный сотрудник Отдела этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов Института

демографических исследований – обособленного подразделения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия.

Irina V. Lyutenko, Junior Researcher of the Department of Ethnodemographic, Religious and Integration Processes of the Institute of Demographic Research, a separate subdivision of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (IDI FNSC RAS), Moscow, Russia.